

© М.А. Никитин

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ИЛИ ЭМПИРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ!?

Автор приводит свои аргументы в ответ на критические суждения по отношению к одной из новейших и активно пропагандируемых идей – идеи «экспериментальной антропологии». По мнению автора, концепция экспериментальной антропологии имеет потенциал получения верифицированного знания.

Ключевые слова: экспериментальная антропология, междисциплинарность, эмпирическая антропология, антропологическая скорость.

...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. (Ин. 20:25)

Данное сообщение написано в поддержку предложения одного из главных редакторов (С.В. Чешко) журнала «Вестник антропологии» о создании дискуссионного поля на его страницах: «чтобы дать адептам непривычных идей высказаться, а коллегам познакомиться с новациями в науке» [1]. Таким образом был инициирован своеобразный научно-издательский эксперимент в виде предоставления карт-бланша потенциальным авторам.

Не претендуя не только на оригинальные идеи, но и на приверженность им, я решил написать текст, посвященный одному мероприятию творческих исследователей, которое также было скептически анонсировано в упомянутой статье.

Термин «эксперимент» и его производные в российском антропологическом дискурсе появились два года назад и в первое время они звучали метафорически и провокационно. Его тиражирование и ротация имели все признаки научного хайпа¹. В 2016 г. авторами идеи было озвучено предложение сформировать в Ассоциации антропологов и этнологов России Комиссию по экспериментальной антропологии. Сопроводительное письмо, приложенное к заявке, по мнению членов Президиума Ассоциации, было неубедительно и основания, изложенные в нем, не соответствовали принципу создания комиссий в организации. Они, как известно, формируются на базе уже существующих научных направлений нашей науки. Тем не менее, высокое собрание, отдавая должное проявленной инициативе, ради чистоты эксперимента, приняло решение поддержать проведение в рамках XII Конгресса ААЭР в Ижевске

Никитин Максим Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32А). Эл. почта: proisel@gmail.com. **Nikitin Maxim A.** – Institute of Ethnology and anthropology RAS (Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: proisel@gmail.com.

¹ Хайп – нелогизм от английского «hype» – шумиха, ажиотаж.

секции по Экспериментальной антропологии. Руководителям удалось собрать кворум докладчиков для того, чтобы секция состоялась.

Авторы идеи конструктивно восприняли критические замечания и в последующем учли их при корректировке концепции экспериментальной антропологии. Следует отдать должное их организаторским способностям, которые позволили привлечь новых апологетов экспериментальности и 15–16 мая 2018 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований прошла международная конференция «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях». В ее работе приняли участие ведущие этнологи и антропологи, занимающиеся междисциплинарными исследованиями: Д.А. Функ, С.В. Соколовский, В.И. Харитонов, М.Л. Бутовская и др., а также аспиранты профильных научных центров.

Тон дискуссии задал декан Исторического факультета МГУ И.И. Тучков, который в своем приветственном слове отметил важность попыток проведения экспериментов в гуманитарных науках. Директор Центра интерактивных сознаний Орхусского университета, профессор Андреас Рёпсторфф в начале своего выступления с удовлетворением отметил положительные моменты, связанные с актуализацией вопросов экспериментальности в мировой и российской этнологии и антропологии. Для поддержания формирующегося тренда он не преминул воспользоваться возможностью выступить на первом профильном научном форуме в России с докладом «Экспериментальная антропология: от включенного наблюдения до активного участия». Он также как и И.И. Тучков призвал этнологов и антропологов смелее прибегать к экспериментальным методам исследования, не смотря на очевидные этические сложности, возникающие при данном способе получения верифицированного антропологического знания.

Он выделил следующие интерпретации экспериментальной антропологии:

1. возможность применения метода эксперимента;
2. профильный научный авангардизм;
3. интерактивное участие исследователя в эксперименте, при котором он является не только сторонним наблюдателем, но и погружается в сценарий происходящего, становясь частью опыта, меняя роль объекта и субъекта. Последняя трактовка успешно применяется исследователями Центра интерактивных сознаний в работе.

По мнению г-на Рёпсторффа, дихотомия лаборатории и поля преобразуется благодаря диалектическому синтезу в новые исследовательские возможности и способна придать новый импульс этнографическому методу. Кроме того, эксперимент может дать исследователю новые формы диалога, как с полем, так и с коллегами из других дисциплин. В качестве примера он рассказал об опытах по сканированию мозга в ходе исследования его контекстных реакций на определенную информацию и других способах применения результатов экспериментов в работах антропологов. Эффективность подобных наблюдений за субъективной реальностью увеличивается пропорционально прогрессу вычислительных систем и других технических возможностей специализированных лабораторий [2].

Д.А. Функ обратил внимание на ответственность антрополога, который использует экспериментальные подходы в своей работе. О том, что этика исследований – это область знаний, которая активно развивается в последние годы, говорила в ходе кру-

глобо стола «Этика эксперимента» Е.К. Соколова. В отличие от западной этической повестки с ее жесткими протоколами, отчетами и постоянными дебатами научного сообщества, российская практическая этика исследований не регламентирована, и исследователь часто предоставлен сам себе в своем этическом выборе.

С.В. Соколовский в своей презентации рассмотрел перспективы экспериментальной антропологии в контексте автоэтнографических исследований [2: 8]. По его мнению, антропологические исследования изначально являются качественными, но при этом субъективными в силу методологической специфики. Все попытки обобщения информационного материала обычно сводятся к «совокупности стилистических приемов, создающих эффект объективности за счет удаления из текста (и стирания из полевых дневников) всех субъективных моментов в попытках отражения реальности, как она существует «сама по себе». Поэтому любые формальные попытки объективации исследований ведут лишь к закономерному недоверию у окружающих, и информация «будет ощущаться ими как полуправда, неправда, или даже как неприкрытая ложь». Нерепрезентативность этнографических исследований изначально обусловлена и поэтому квантификация результатов крайне затруднена. Следовательно, автоэтнография является честным экспериментом, практически уникальным в нашей науке.

Естественнонаучную повестку, которую предложил А. Рёпсторфф, и агностицизм С.В. Соколовского большинство участников изящно обошли, поэкспериментировав с темами (предметами) исследования. Достаточно познакомиться с программой конференции. Названия докладов говорят сами за себя. Спектр затронутых тем включал в себя доклады о сканировании мозга человека, изучении особенностей коэволюционного бытия городской фауны и другие редкие для научных мероприятий антропологов сюжеты.

Особенно выделялась группа исследователей, занимающихся цифровой антропологией. Интернет-среда – это и поле, и, одновременно, цифровое отражение «обычной» жизни. Количество «оцифрованной реальности» и цифровых следов «аналоговой реальности» в настоящее время растет не степенно, а скорее экспоненциально. Анализ этих данных открывают перед исследователями дополнительные возможности по изучению предмета этнологии и культурной антропологии с учетом высокой степени объективности и репрезентативности.

В ходе конференции были представлены различные практики применения экспериментов в этнологических исследованиях. Большой интерес вызвали «результаты глубинного анализа, производимого во время беседы (согласно конструктивистскому пониманию памяти) с информантами в определенных социальных, культурных и коммуникационных условиях, отчасти создаваемых и контролируемых исследователем» [2: 18]. Все это, по мнению автора идеи, позволяет говорить об устном воспоминании как об эксперименте.

Одним из наиболее сложных экспериментов был опыт контролируемого взаимодействия представителей «разнокультурных сообществ» в ходе реализации нескольких проектов стратегий интеграции местных жителей и мигрантов из Центральной Азии в нескольких районах Москвы. Автор в своей работе ставил под сомнение степень репрезентативности результатов наблюдений, так как вероятность спровоцированного экспериментом общения в реальных условиях вряд ли могла состояться. Корреляция между «лабораторными» моделями и жизнью важна при определенных задачах исследований, как правило, связанных с практическим применением научных решений [2: 22].

Два научных мероприятия, организованные под эгидой экспериментальной антропологии, показали потенциал направления и способность развиваться с учетом актуальных научных тенденций. Опыт западных ученых, которые разработали парадигму экспериментальной антропологии и проводят многолетние исследования, позволяют российским ученым применять их практики в текущих этнологических исследованиях и формулировать темы работ с перспективой получения эмпирических данных.

В природе, как известно, нет прямых линий. До недавнего времени считалось, что в гуманитарных науках тоже. Возможно это так, но кривые тоже можно измерять, даже метаморфозы самих предметов исследования. Многие критики относятся к данному подходу как к неопозитивизму, но последний усиливает свои эпистемологические позиции по мере прогресса вычислительных систем и накопления цифровых данных.

Обращаясь к вопросу о «квантификации» количественных исследований, стоит в очередной раз упомянуть о цифровой антропологии. Избежать редуцированных подходов при конверсии качественных данных в количественные помогает интегральный анализ цифровых следов, которые человек оставляет в ходе своей жизни. Очевидно, что персональные лог-файлы² цифровых профилей увеличиваются, как уже упоминалось, экспоненциально. Они включают в себя сведения о здоровье, геопозициях, перемещениях, потребительской активности, коммуникациях, симпатиях, антипатиях, профессиональной деятельности и т.д. Если в настоящий момент ученые дискутируют о необходимости онлайн-офлайн-параллельных исследованиях человека, то в ближайшее время, скорее всего, эти понятия будут нивелированы и цифровые данные о человеке будут представлять тотальные сведения. Наступают времена, когда оператор системы управления базами данных сможет за 5 минут получать антропологические сведения, на которые у работающего классическими методами этнографа уходили годы полевой и архивной работы. Антропологам еще предстоит осмыслить эти возможности. Для этого им необходимо получить легальный доступ к базам данных. В настоящее время они используются лишь маркетологами крупных компаний, политтехнологами общественных и политических организаций, сотрудниками органов государственной власти. Искусственный интеллект сможет выполнять и уже выполняет рутинные сопоставления намного лучше человека, одновременно оперируя глобальной совокупностью данных, включая библиотеки, музеи и архивы.

Антропологические процессы современности отличаются заметной динамикой и не учитывать фактор скорости в гуманитарных и общественных науках не представляется возможным. Вслед за «антропологией движения» [3], «антропологией времени» [4] коллеги объявили о создании «антропологии скорости» [5]. По-моему, достаточно было бы разработать понятие «антропологической скорости» и не усложнять избыточными направлениями предметную область дисциплины. Антропология движения обладает достаточной ёмкостью для рассмотрения в антропологическом контексте понятий «время» и «скорость». Последняя, в самом широком смысле – это антропологические изменения за единицу времени, а время, будучи в известной степени условным конструктом, отличается не только при субъективном восприятии, но и в физическом смысле, так как по-разному течет даже на разных высотах над уровнем моря.

Экспериментальная антропология не ставит своей целью создание велосипеда или локализацию свежих и перспективных наработок коллег из других стран. Она не претендует и на научный авангардизм в век хорошо забытого старого.

² Цифровые информационные блоки с хронологической информацией о субъекте.

Но в действительности это квазинаучное направление следует отнести к тенденции, которую обозначили коллеги в работе «Инновации в антропологии» [6], так как оно является логической реакцией на социальные и культурные метаморфозы, вызванные прогрессом. Это косвенное свидетельство в пользу того, что экспериментальная антропология – это один из способов получения верифицированного знания. А эксперимент – научный прецедент, которым может воспользоваться исследователь. Поэтому экспериментальная антропология должна стать, прежде всего, синонимом эмпирической антропологии.

Литература

1. Чешко С.В. «Экспериментальная антропология». И встретились две черепахи... // *Вестник антропологии*, 2018. № 1 (41). С. 69–75.
2. Игнатъев Р.Н., Филатова В.О., Функ Д.А. отв. ред. *Mayday 2018. Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях*, 15–16 мая 2018 г., Москва. Сборник тезисов. М.: МГУ, 2018 (электронное издание). –57 с.
3. Головнёв А.В. *Антропология движения (древности Северной Евразии)*. Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
4. Ssorin-Chaikov N. *Two Lenins: a brief anthropology of time*. University of Chicago Press, 2017.
5. Duclos V., Sanchez T., Vinh-Kim C. Nguyen *Speed: An Introduction // Cultural Anthropology*, 2017 (February). Vol. 32, issue1. Pp. 1–11.
6. Соколовский С.В. отв. ред. *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях*. М.: ИЭА РАН, 2015.

References

1. Cheshko S.V. «Eksperimental'naya antroplogiya». I vstretilis' dve cherepakhi... *Vestnik antropologii*, 2018. No. 1 (41). Pp. 69–75. (In Russ.) [Cheshko S.V. «Experimental Anthropology. And Two turtles met. *Anthropology Herald*. 2018. № 1 (41), ss. 69–75.
2. Ignatiev R.N., Filatova V.O., Funk D.A. отв. red. *Mayday 2018. Eksperimenty i eksperimental'nost' v antropologii i mezhdistsiplinarynykh issledovaniyakh*, 15–16 may 2018 g., Moskva. Sbornik tezisov. Moscow: MGU, 2018 (elektronnoe izdanie). – 57 s. (In Russ.) [Ignatiev R.N., Filatova V.O., Funk D.A (eds.). *May 2018. Experiments and Experimentality in Anthropology and Interdisciplinary studies*. May 15–16 2018. Moscow. Abstracts. Moscow: MSU, 2018.
3. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoi Evrazii)*. Yekaterinburg: UrO RAN; Volot, 2009. 496 p. (In Russ.) [Golovnev A.V. *Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)*. Yekaterinburg. UrO RAN; Volot, 2009. 496 p.].
4. Ssorin-Chaikov N. *Two Lenins: a brief anthropology of time*. University of Chicago Press, 2017.
5. Duclos V., Sanchez T., Vinh-Kim C. Nguyen *Speed: An Introduction. Cultural Anthropology*, 2017 (February). Vol. 32, issue1. Pp. 1–11.
6. Sokolovskii S.V. отв. red. *Innovatsii v antropologii: novye napravleniya, ob'ekty i metody v rossiiskikh antropologicheskikh issledovaniyakh*. Moscow: IEA RAN, 2015. (In Russ.) [Sokolovskii S.V. (ed.) *Innovations in Anthropology: New Branches, Objects And Methods In Russian Anthropological Studies*. Moscow: IEA RAS, 2015].

M.A. Nikitin. Experimental or empirical anthropology.

The author presents his arguments to the critics of the new conception of the experimental anthropology. The author considers experimental anthropology as potential way to get verified results of studies.

Key words: *experimental anthropology, interdisciplinarity, empirical anthropology, anthropological speed.*